

к некому «безумцу», захотевшему познать, «что есть человек, и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет?». «Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение свое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды достигающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими; что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. <...> какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности?» (II, 42—43). «Безумец» тот, кто стремится выйти за пределы телесной природы человека, материальности мира. Но если в сознании человека уже возникла мысль о бессмертии духа, о бесконечности жизни, то, может быть, он имеет право на «безумную» и дерзкую мечту? «...ты человек, есть в тебе надежда, и се степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай!» (II, 111).

В свою очередь каждый из «голосов» трактата предстает как микродиалог: человека вопрошает мир во всем многообразии его феноменов, во всей сложности его связей. Поэтому гносеологическая по своему заданию тема трактата оборачивается картиной динамического, многообразно предстающего перед нами мира и воспринимающей его личности. Причем личности не отвлеченной. «Я своего примера дать по толиких не дерзаю», — говорит Радищев, приведя факты разных времен и народов, свидетельствующие о торжестве человеческого духа над трагическими обстоятельствами. Но весь трактат в глубочайшей степени запечатлел судьбу самого Радищева, своеобразие его как выдающегося мыслителя своей эпохи и талантливейшего писателя. И хотя трактат «О человеке...» стоит вне магистральных, жанрово определенных направлений литературного развития, он не в меньшей, а, может быть, в большей степени предвосхищает будущее русской прозы.